

УДК 631.527 (091)+929 Вавилов Н.И.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ЖЕГАЛОВ И НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ (по материалам семейного архива Жегаловых)

И.В. ПОЛУМОРДВИНОВА

Н.И. Вавилова и С.И. Жегалова с полным правом можно назвать одними из первых создателей научной селекции в России. Они, постоянно помогая друг другу, закладывали основы этой науки, укрепляли её связи со смежными науками, подготавливали кадры, создавали опытные станции для развития селекции. Понимая семеноводство как продолжение селекционного процесса, создавали систему и методику семеноводства различных культур в нашей стране. Без преувеличения можно сказать, что в начале XX века в нашей стране созданы сорта многих культур, возделываемые до сих пор.

Ключевые слова: генетика, цитология, научные основы селекции, биографические данные.

В 2011 г. исполнилось 130 лет со дня рождения Сергея Ивановича Жегалова. а в 2012 г. — 125 лет со дня рождения Николая Ивановича Вавилова. Почему хочется вспомнить этих двух ученых вместе? Да потому, что именно они вдвоем стояли у истоков создания научной селекции, именно они заложили своими научными работами, воспитанием молодых кадров и организаторской деятельностью научный фундамент и разработали методы селекции растений, создали научную базу семеноводства в стране. Именно их стараниями селекция из искусства превратилась в серьезную науку, базирующуюся прежде всего на генетике и использующую достижения таких наук, как систематика, геоботаника, физиология и др. И совершенно естественно, что в 1924 г. С.И. Жегалов написал первый учебник «Введение в селекцию сельскохозяйственных растений», а через десять лет (1934) Н.И. Вавилов пишет фундаментальную статью «Селекция как наука», где рассматривает вопрос о месте селекции в ряду биологических наук. И совсем неспроста в 1948 г., через 21 год после ухода из жизни автора «Введения в селекцию с.-х. растений», Т.Д. Лысенко в своей речи на печально известной сессии ВАСХНИЛ обрушивается на С.И. Жегалова, так как для лысенковской селекции генетика не нужна была вовсе.

Оба ученых прошли школу талантливого селекционера России Дионисия Леопольдовича Рудзинского в Московском сельскохозяйственном институте. В разные годы это учреждение называлось по-разному, до революции — Петровская земледельческая академия, во время учебы С.И. Жегалова и Н.И. Вавилова — Московский сельскохозяйственный институт, позднее — Тимирязевская сельскохозяйственная академия, в дальнейшем это учреждение будем называть Академия.

Об отношениях двух ученых известно совсем немного. Н.И. Вавилов считал С.И. Жегалова своим учителем, некролог по поводу смерти Сергея Ивановича он так и озаглавил «Памяти учителя». Из опубликованных писем Н.И. Вавилова (Н.И. Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. I и II. 1994,1997)

Главное здание Академии. Открытка 1901 г. С.И. Жегалов пишет брату о поступлении в Академию

и из писем С.И. Жегалова жене, переданных нам его дочерью Т.С. Жегаловой, можно представить и понять, какое глубокое взаимопонимание было у них, какое уважение, какой интерес они всегда проявляли к работам друг друга, как старались помочь друг другу не только советом, но и делами, зная, что делают одно общее дело. При этом никакой конкуренции — только помощь.

С.И. Жегалов и Н.И. Вавилов познакомились в Академии на селекционной станции факультета земледелия у Д. Я. Рудзинского. Их сблизил интерес к естественным наукам и большая любовь к селекции, а также желание не только получать знания, но и отдавать их другим. Их роднило желание приносить пользу России, вкладывая свои знания в преобразование сельского хозяйства.

Сергей Иванович Жегалов пришел в Академию в 1901 г., проучившись до этого два года в Лесном институте в Петербурге. Н.И. Вавилов поступил в Академию в 1906 г., когда Сергей Иванович ее уже заканчивал. На селекционной станции Сергей Иванович был помощником Рудзинского и даже когда короткое время после окончания учебы работал на Шатиловской опытной станции, он не порывал с Академией связи и часто бывал там.

Очень много у обоих было общего в судьбах и исканиях во время учебы в Академии. Они пришли сюда, чтобы стать агрономами и связать свою жизнь с сельским хозяйством. И у того, и у другого — душа экспериментатора. Еще в период учебы в Академии Сергей Иванович едет на практику к В.В. Винеру, одному из виднейших «опытников» сельского хозяйства России, на Шатиловскую опытную станцию на Орловщине. В конце XIX в. появились, во многом стараниями Д.И. Менделеева, опытные поля, большая часть из которых преобразовыва-

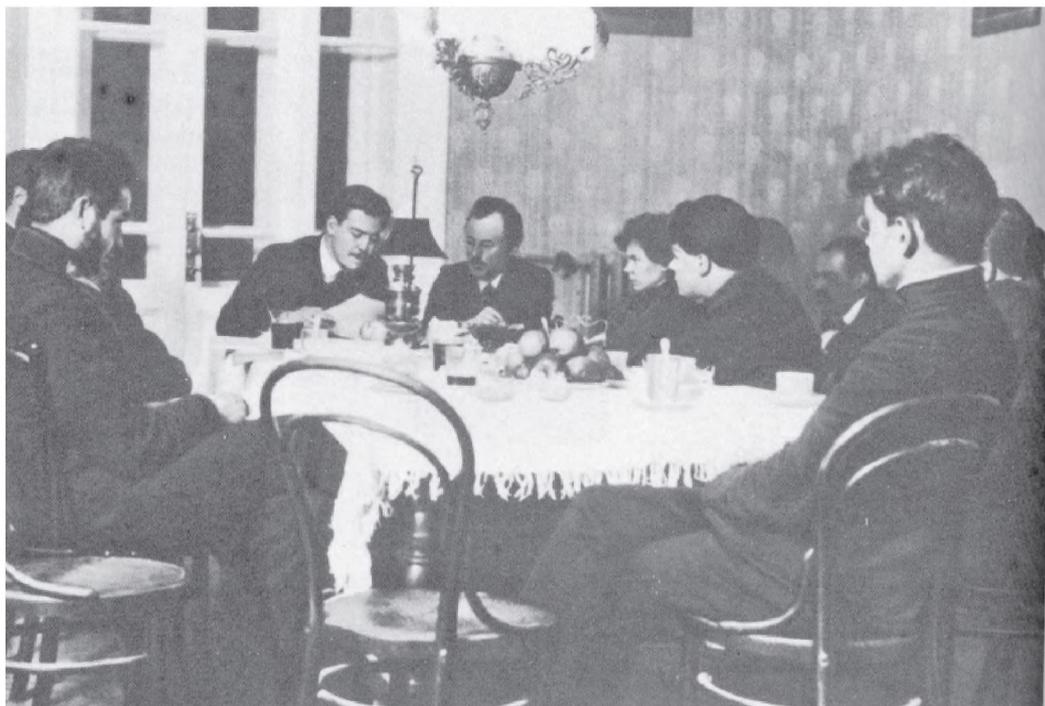

В лаборатории селекционной станции. 1914 г. Сидят (слева направо): Л.И. Говоров, Н.И. Вавилов. Стоят: А.Г. Лорх, Д.Л. Рудзинский, С.И. Жегалов, П.И. Лисицын

лась в опытные станции. Н.И. Вавилов в 1910 г. едет на Полтавское опытное поле, считавшееся образцовым, к С.Ф. Третьякову на практику. Д.Н. Прянишников считал, что Третьяков в своей работе идет от учета и констатации явлений до углубления в их сущность. А молодым людям была важна как раз сущность явлений, а не просто констатация фактов. И того, и другого, кроме того, очень привлекала новая наука генетика, которая открывала большие перспективы для селекции.

Сергей Иванович окончательно возвращается на селекционную станцию к Д. Л. Рудзинскому в 1909 г. А еще до его возвращения в 1907 г. Н.И. Вавилов с группой товарищей организовали кружок любителей естествознания. В 1909 г. он делает доклад на кружке «Дарвинизм и экспериментальная морфология».

У Д.Л. Рудзинского подобралась увлеченная, пытливая молодежь, в это время на станции учились и работали Л.И. Говоров, А.Г. Лорх, К.М. Чинго-Чингас. Много спорили, обсуждали насущные вопросы селекции. Сергей Иванович был правой рукой, помощником Д.Л. Рудзинского. В 1910 г. его направляют в заграничную командировку в Германию, Австрию и Швецию, где он работает у известных генетиков: профессоров Чермака (Tschennak), Рюмкера (Rumker), посещает первую в Европе селекционную станцию в Свалефе. Генетическая наука только еще зарождалась, для российской молодежи это было нечто новое. По возвращении С.И. Жегалова на селекционной станции часто устраиваются доклады, чаще всего

Семинар в квартире С.И. Жегалова. В центре сидят Н.И. Вавилов и С.И. Жегалов

на квартире у самого Сергея Ивановича, обсуждаются как теоретические вопросы генетики, так и вопросы «построения» селекционного и семенного дела в России. Именно в это время выходят статьи С.И. Жегалова «Менделизм в современном освещении» (1911), «Деятельность Германского Общества сельского хозяйства в области сортоводства» (1910), «Венская семенная контрольная станция, ее опытные и показательные поля» (1910), «О работе с озимой пшеницей в Свалефе» (1912). Сохранилось несколько фотографий той поры, где за столом, очевидно, в квартире Жегаловых сидят Н.И. Вавилов, Л.И. Говоров, А.Г. Николаева. С.И. Жегалов и идет обсуждение очередных статей или интересных вопросов. И.С. Фортунатов писал, что даже «праздничные семейные вечера он (Сергей Иванович) неизбежно превращал в трибуну пропаганды селекционных идей и считал, что буквально все должны и не могут не заниматься вопросами селекции. Все это имело значение для формирования взглядов тех, кто слушал страстные речи Сергея Ивановича» (Из ответа на анкету к 90-летию Жегалова). И эти собрания на квартире С.И. Жегалова, чтение интересных статей, обсуждение планов стали доброй традицией. В 1924 г., в очень тяжелое время, С.И. Жегалов в письме к Д.Л. Рудзинскому жалуется, что их непрерывно реформируют, спокойно работать не дают, народу мало, «но пока бодрости не теряем, делаем, что можем. Зимой даже собрания с докладами устраивали». Последняя фраза замечательно дает понять, что традиция была сохранена, несмотря на все трудности бытия.

В 1912 г. профессора Академии организуют Высшие женские сельскохозяйственные курсы (Голицынские курсы). Директор курсов Д.Н. Прянишников предло-

жил совсем еще молодому своему ученику прочесть на открытии курсов актовую, т.е. программную речь. Н.И. Вавилов решил говорить о роли генетики для агрономии, речь так и была названа «Генетика и ее отношение к агрономии». В этой речи Н.И. Вавилов дает обоснование селекции как науки, а не просто искусства отдельного селекционера. Именно эти идеи и соединили двух ученых, над воплощением их в жизнь они трудились каждый на своем поприще. Сергей Иванович читал лекции и вел занятия на Голицынских курсах в продолжении всего их существования, т.е. с 1912 до 1923 г., поэтому первыми сотрудниками Грибовской селекционной станции, созданной С.И. Жегаловым в 1920 г., были выпускники этих курсов. Сергей Иванович заразил своих слушательниц идеей создания российских сортов овощных культур, которые их стараниями были созданы в 30-е годы и с успехом заменили иностранные сорта в овощеводстве.

Далее, казалось бы, пути коллег разошлись. Н.И. Вавилов в 1913-1914 гг. отправляется в командировку в Англию, в 1916 г. едет в экспедицию в Иран. В 1917 г. начинает работу в Саратове, а в 1921 г. перебирается в Петроград. С.И. Жегалов по-прежнему остается в Москве, в Академии.

О дальнейших их взаимоотношениях в 1920-1923 гг. мы узнаем из писем С.И. Жегалова жене Вере Владимировне. Сергей Иванович имел обыкновение куда бы он ни уезжал — писать письма домой, где оставалась жена и любимые дети, а в письмах — в форме простого разговора — отчет о том, что сделано или делается, свое мнение о каких-то событиях. Жаль, что писем сохранилось совсем немного. Следующее после отъезда Н.И. Вавилова в Саратов их свидание состоялось в 1920 г. во время III Всероссийского селекционного съезда. Съезд проходил в Саратове со 2 по 10 июня 1920 г. Время было очень тяжелое, еще не закончилась гражданская война, а уже через пять месяцев в недавнем районе боевых действий собирается съезд селекционеров. Из письма Сергея Ивановича уже по возвращению в Москву: «Приехал в субботу вечером, съездил в общем хорошо, хотя за Волгу в Красный Кут и Эльтон нас не пустили. Саратов два дня был отрезан от Москвы, толком мы не знали почему, ходило много слухов и мы серьезно начали устроиваться на более длительное жилье. Потом оказалось, что происходили местные осложнения в Тамбове и путь был скоро восстановлен».

Из письма от 30 мая 1920 г. узнаем, как добирались они до Саратова: «Едем со скоростью 15 верст в час; до Саратова будем тащиться 2 1/2 суток. В нашем распоряжении 1/2 вагона III класса, сидим по 2-3 человека на длинной лавке. Ночью все спали; пока удавалось отстаивать места от посторонней публики, тем более, что у одного из едущих нашелся вагонный ключ. Получили по 2-е селедки, конфеты и хлеб. Селедки пойдут на обмен, т.к. я решительно запротестовал против разведения грязи в вагоне. Пангало сидит со мной, не переставая болтает и собирается изобразить сумасшедшего, если будет подсаживаться посторонняя публика. Неприятно, что часть окон забита решетками, точно в арестантском вагоне, а часть просто досками. Я впрочем, устроился хорошо, еду с Лорхом, Говоровом, Пангалом и Игониным. Наши дамы в особом отделении. Татьяна Васильевна уже наслаждается черной почвой». Далее в одном из писем по возвращении Сергей Иванович отчитывается жене: «Муки не привез, купить ее можно только из-под полы, надо искать и знать, где цена около ста рублей пуд. Зато купил пуд разной крупы; провез благополучно, пугали очень обысками в поездах, но сейчас по-видимому смотрят не так строго; проходили раза три, но вытаскивали из под лавок только большие мешки с мукой; запакowanych вещей не трогали. В Саратове при взвешивании товарищу показалось подозрительным, что при малом объеме мои вещи много весят и он пробовал их

III Всероссийский съезд селекционеров. Саратов, 1920 г. В центре сидит: Н.И. Вавилов, слева от него — В.Р. Заленский, С.И. Жегалов, Н.М. Тулайков

ощупывать, но толчея и давка была так велика, что найти ему ничего не удалось. Запаковал я крупу на совесть, думаю, что если бы и открыли корзину, то вряд ли бы скоро нашли».

Так что в те годы, как видим, забот у Сергея Ивановича было много: семью надо было кормить. Но в то же время письма, посланные Вере Владимировне в дни самого съезда, а писал он почти каждый день, говорят о том, что там на съезде заботы о хлебе насущном отошли на далекий-далекий план. Сергей Иванович и в письмах, и в записной книжке пишет обо всех выступлениях на съезде, и конечно, больше всего и восторженнее всего о выступлении Николая Ивановича. Из письма 4 июня 1920 г.: «Утром отправил тебе письмо и сейчас же после первого заседания съезда пишу тебе второе. Заседание это было исключительно интересным и оставило на редкость сильное впечатление. Это был большой триумф Николая Ивановича, который будет продолжаться при каждом его выступлении. Он сделал интересный, исключительно интересный доклад с громадным количеством удивительно хороших демонстраций. Когда он кончил, к кафедре подошел старый ботаник Заленский и взволнованным голосом заявил: «Господа, настоящее заседание уже стало историческим и биологи могут приветствовать своего Менделеева». Напоминание о Менделееве имело большой смысл по сути доклада и вместе с тем отмечало значение последнего. Настроение аудитории поднялось до большой высоты, а собрание было очень

многолюдным и происходило в большой и прекрасной аудитории Физического ин-та. В дальнейшем это настроение лишь поддерживалось и завтра съезду будет предложена резолюция, отмечающая исключительную важность работ Николая Ивановича и необходимость предоставить в его распоряжение все необходимые средства для работы». А в съездовской записной книжке Сергей Иванович записывает не только мнение ботаника Заленского, но, во-первых, подробно доклад самого Николая Ивановича, восхищаясь при этом его знаниями систематики, и, во-вторых, мнения таких известных биологов, как Н.М. Тулайков, Б.А. Келлер. Из записной книжки за 4 июня 1920 г.: «Келлер — блистательное применение сравнительно-морфологического метода к генетике. В области экологических рядов повторяется та же гомология... Тулайков — забываешь, что в Саратове, в физической аудитории. Думаешь, что в старейшем ботаническом об-ве, удивительное обилие и проработка материала гомологических рядов химии и ботаники. Радость за молодежь. Чувство, что мы не погибли».

Как раз Тулайков очень четко выразил мысль, что несмотря ни на какие войны и разруху, научную мысль остановить нельзя.

Кроме восхищения докладом в письме от 4 июня (утро) 1920 г. С.И. Жегалов с восторгом пишет и о лаборатории Н.И. Вавилова в Саратове: «Лаборатория Н.И. Вавилова представляет из себя нечто грандиозное по количеству материала, числу работающих, порядку и красоте результатов. Я не ошибусь, сказав, что в Москве ничего подобного нигде нет. Даже сейчас летом толчея у него большая — преимущественно девицы. И заставляет он их дело делать самым беспощадным образом. Надо отдать справедливость — работают хорошо и сразу дают впечатление хорошо спаянной и единой лаборатории. Словом есть что смотреть и чему завидовать».

Зависть была, конечно, белой, так как делалось общее дело. Ведь на съезде С.И. Жегалов был в комиссии по выработке резолюции съезда, поэтому он и пишет так уверенно, что будет принята резолюция о том, чтобы поддержать и дать возможность Н.И. Вавилону продолжить работу.

Через короткое время Н.И. Вавилов встанет во главе Бюро прикладной ботаники (после смерти Р.Э. Регеля, 1922 г.), он переедет в Петроград и со свойственным ему размахом начнет создавать большой институт — ему прежде всего будут нужны квалифицированные, толковые кадры. Он ищет их и перетягивает к себе со всей России: П.М. Жуковского из Тифлиса, Г.А. Левитского из Киева, но прежде всего обращается, конечно, в Петровскую академию, на кафедру к С.И. Жегалову. Именно оттуда к нему в Петроград перебираются Л.И. Говоров, К.М. Чинго-Чингас, позднее приходят А.И. Купцов, К.И. Пангало, Г.Д. Карпеченко, а с Грибовской селекционной станции, созданной С.И. Жегаловым в 1920 г., — Т.В. Лизгунова. Сергей Иванович прекрасно понимает, какое огромное дело затевает его талантливый ученик и не только не препятствует переезду своих учеников, но при первой же возможности посылает к нему учиться. Так, Т.В. Лизгунова, окончив аспирантуру во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР), стала ведущим специалистом по культуре капусты в нашей стране.

Надо отметить, что и Сергей Иванович, и Николай Иванович стояли у истоков создания селекционных станций у нас в стране. Стараниями Сергея Ивановича была организована овощная селекционная станция при Академии, Грибовская селекционная опытная станция (ныне Всероссийский НИИ селекции и семеноводства овощных культур), а А.Г. Лорх возглавил Кореневскую станцию по селекции карто-

феля (ныне Институт картофельного хозяйства). Без этих селекционных станций не были бы созданы такие непревзойденные по качеству сорта, как морковь Нантская 4, капуста Слава 1305, картофель Лорх и многие, многие другие. Николай Иванович, создавая обширную сеть опытных станций института растениеводства прежде всего заботился о селекции. На этих станциях велось разностороннее изучение коллекционного материала, подбирался исходный материал для определенных климатических зон и определенных направлений селекции. Такие станции, как Кубанская, Майкопская, Полярная известны селекционерам всего мира. И что еще очень важно — оба ученых участвовали в создании системы семеноводства в стране. Во многом их стараниями создавались сеть сортоиспытательных участков и методики сортоиспытания для различных культур, без чего нельзя себе представить селекционного процесса.

В 1921 г. Н.И. Вавилов едет в командировку в США. Там он создает Нью-Йоркское отделение Отдела прикладной ботаники Государственного института опытной агрономии (ГИОА) (1922-1927), возглавить которое поручает русскому эмигранту, флористу, энтомологу Д.Н. Бородину. Целью создания такого отделения был прежде всего сбор семян различных культур и научной литературы по институтам и опытным станциям США, а также у фермеров. Собранный материал пересылается Бородиным в Россию. Книги, журналы, отчеты опытных станций шли не только в институт Н.И. Вавилова, но и в Академию, вот почему в библиотеке Академии так хорошо представлена зарубежная литература того времени. Кроме того, Николай Иванович заботился и о материальной помощи своим коллегам. Из письма Д.Н. Бородина от 8 февраля 1922 г.: «Рад сообщить Вам, что Американская администрация помощи уведомила меня, что 20 долларов, посланные 22 ноября 1921 г. в Петровскую академию госпоже Маргарите Реш и господину Денису Рудзинскому, уже доставлены. То же относится и к денежному переводу в 70 долларов посланному того же числа в Петровскую академию Алексею Соколовскому, Дмитрию Прянишникову, Алексею Фортунатову, Василию Вильямсу и Сергею Жегалову...» (Н.И. Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. ТХ 1994. Ч. II, письмо 26). В 1922 г. Н.И. Вавилов создает свой институт, при этом он заботится о своих учителях, коллегах и друзьях в Петровской академии, прекрасно понимая, что кадры селекционеров кует именно она, что они проходят через руки ее профессоров.

В 1923 г. С.И. Жегалов едет в Петроград в Отдел прикладной ботаники к Николаю Ивановичу, конечно, учиться. Уже не существует понятия учителя, мэтра, учатся все и учителя тоже, если есть, чему учиться.

Из письма 21 декабря 1923 г.: «Питер не так люден, как Москва, особенно мало езды, также свободны и трамваи во все часы дня. Вид он все-таки имеет нарядный и посмотреть его будет Володе [сыну] интересно. На всякий случай я отложу поездку в Ботанический Сад, чтобы поехать вместе с ним, если он соберется. Общее впечатление от разговоров — заметно худшее положение всех интеллигентных работников по сравнению с Москвою, об этом говорят и в отделе прикладной ботаники, и в вагоне. Да и раньше приходилось слышать то же самое. Гораздо свободнее только с квартирами, такого уплотнения нет как в Москве. Все спрашивают насчет московских цен, но я совершенно не знаю, сколько что стоит... Мой точный адрес Миллионная ул., д. 27, Общежитие, Дом ученых, комната № 9. Николай Иванович уговаривает переехать к нему в отдел — Морская 44, может быть в конце концов этим воспользуюсь, хотя тогда заниматься будет труднее, т.к. очень много народу и придется постоянно разговаривать. Мне же для чтения нужно замуроваться».

Из письма 27 декабря 1923 г.: «Я нигде в музеях не был, хочу больше перечитать и использовать Николая Ивановича пока он не уехал в Москву. Т.ч. кое-что смогу посмотреть вместе с Володей [сыном]. Был только в Царском [селе], где провел двое суток на Селекционной станции. Был у Говорова и с ним ходил смотреть Царкосельские дворцы. Интересны личные комната Николая и лакеи, которые их показывают. Живут Говоровы скудно, как и большинство здесь; расположились на временной квартире в ожидании пока им отделают казенную. Видел и ее: довольно мрачный чердак особенно по сравнению с остальными комнатами, в которых расположена Станция. Это действительно прекрасная усадьба Великого Князя Бориса Владимировича, выстроенная его бабушкой английскою королевою, сплошь из заграничного материала — кроме кирпича. Все помещения здесь вообще не чета московским. Отдел Николая Ивановича занимает огромный 3-этажный дом на площади Исаакиевского собора и ему в нем уже тесно. Сам Николай Иванович квартиры не имеет и располагает только очень маленькой спальней рядом со своим служебным кабинетом. Здесь толчет и днем, и ночью. Писать ему совершенно некогда и всю огромную переписку на нескольких языках он ведет при помощи стенографисток. Деловые совещания иногда назначает на 12 часов ночи; вообще трудно поверить, как много он работает. Чтобы несколько опомниться и позаниматься, иногда уезжает на 1-2 дня в Царское, где на Станции у него есть большой рабочий кабинет, в котором стоит его личная библиотека. Там же живут некоторые из сотрудников. Сколько их всех я не знаю; на докладе было до 100 человек. Богатства здесь книжные и коллекционные совершенно неисчерпаемы, так что удастся использовать лишь небольшую часть их».

В лаборатории селекционной станции Академии. Слева сидит цитолог А.Г. Николаева

Из этих писем ясно, что Н. И. Вавилов не скупился помогать и книгами, и коллекционным материалом, и теплым приемом всем, кто делал одно общее дело. Позднее, когда в ВИРа была налажена аспирантура и уже не было в живых Сергея Ивановича, Н.И. Вавилов подготовил для Грибовской станции таких ученых, как А.В. Алпатьев, Ю.А. Кобякова, Р.Е. Химич.

Н.И. Вавилов и С. И. Жегалов очень трепетно, с большим вниманием и уважением относились к цитологическим работам, считали, что они должны во многом помочь селекционерам. В Петровской академии такие работы вела Александра Гавриловна Николаева, рано ушедшая из жизни. Из письма Сергея Ивановича Д. Л. Рудзинскому 6 января 1925 г.: «Микроскопическую лабораторию удалось значительно пополнить: мы получили два хороших микроскопа, из них один бинокулярный, имеем свой хороший микротом, два рисовальных прибора, специальную лампу для микроскопа и кое-что из мелочей. Работы Александры Гавриловны я наиболее всего ценю на станции и старался в первую очередь обставить получше. Удалось найти двух талантливых учеников для нее: Карпеченко, оканчивающий срок оставления при кафедре, и Свешникову, которую никак не могу устроить в академии на штатное место». Как известно, Г.Д. Карпеченко уехал в ВИР, где возглавил лабораторию генетики и успешно занимался цитологией межвидовых гибридов. С.И. Жегалов считал необходимым создать цитологическую лабораторию и на Грибовской станции. Он добился места цитолога для станции, но увидеть лабораторию ему уже не удалось. Однако в эту лабораторию Н.И. Вавилов прислал из ВИР ученика известного цитолога Г.А. Левитского — А.А. Кривенко, который руководил этой лабораторией до своей кончины в 1942 г., плодотворно занимался цитологией овощных культур и межвидовой гибридизацией луков. В 1948 г. лаборатория была расформирована.

В одном из писем к Д.Л. Рудзинскому Сергей Иванович признается: «Мне кажется правильным строить линию работ Станции [Академии] теперь не по хлебам, у которых конкурировать с Вавиловым невозможно, а по таким преимущественно культурам, которыми никто не занимается, как следует». Эти слова С.И. Жегалова и дают объяснение тому, почему он, будучи необычайно загружен педагогической, организационной и общественной работой, все-таки берется за селекцию таких трудных и мало изученных во всех аспектах культур, как овощные, лен, хмель. Ведь объять необъятное нельзя. И понимая большие преимущества Николая Ивановича в работе со злаками, Сергей Иванович уступает ему дорогу (хотя очень долгое время занимался овсами сам) и переходит на другие культуры: изучать и изучить надо все сельскохозяйственные объекты!

В 1924 г. выходит учебник по селекции С.И. Жегалова «Введение в селекцию сельскохозяйственных растений», в 1926 г. — его второе издание, в 1930 г. (уже посмертно) выпускается третье издание. Можно понять, что дефицит такой литературы был велик, учебников ни наших, ни переводных не было совсем. В 1924 г. во Франции издается книга Латувера «Селекция культурных растений». В 1928 г.

Н.И. Вавилов ведет переговоры с автором о переводе книги на русский язык и издании ее в России. Он высоко оценивает этот учебник, однако пишет в 1929 г. Латуверу: «Я очень внимательно прочитал Вашу книгу, и мне кажется, что в ней не хватает раздела о методах селекции, методах, общих для таких групп растений, как свекла, маис, плодовые. Может быть, Вы дадите это во второй книге. Во всем остальном книга чрезвычайно интересна, и надо признаться, что на русском языке нет подобной работы, трактующей столь глубоко все вопросы. У нас имеется серьезный учебник

Жегалова, но он написан очень неровно: в некоторых главах материал изложен весьма подробно, в других — слишком кратко». (Н.И. Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. II. 1997. С. 76-77, письмо 157).

Книгу Латувера (Lathouwers Victor) издать в России в те годы уже не удалось. Учебник С.И. Жегалова еще долгие годы оставался единственным, доступным для российских читателей. Конечно, в 1924 г. он и не мог быть написан ровно, так как многие вопросы еще и не начинали изучаться, но селекция как наука, развивалась семимильными шагами. Уже в 1935 г. выходит I том 3-томного издания по селекции «Теоретические основы селекции растений» под редакцией Н.И. Вавилова, где даются ботанико-географические основы селекции и печатается статья Николая Ивановича «Селекция как наука». Как бы в продолжение и развитие основ селекции, данных в учебнике С.И. Жегалова в 1924 г., Н.И. Вавилов писал в письме Харланду (Harland Sydney Cross): «Мы понимаем необходимость селекции, как науки. Между искусством селекции и генетикой лежит огромная пропасть, и нужно много сделать, чтобы соединить их». Это «мы», конечно, относится ко всем российским селекционерам, но прежде всего к С.И. Жегалову. Именно они с Н.И. Вавиловым в тяжелейшие годы первой мировой и гражданской войны, разрухи в стране, не щадя своих сил, пытались преодолеть эту пропасть и общими усилиями преодолели ее.

SERGEY IVANOVICH ZHEGALOV AND NIKOLAI IVANOVICH VAVILOV

(from family archive of the Zhegalovs)

I.V. POLUMORDVINOVA

N.I. Vavilov and S.I. Zhegalov are among founders of scientific selection in Russia. They laid down the foundations of this science and strengthened its connections with other sciences, trained personnel and established experiment stations, created both system and methods of seed growing of various crops in Russia. With their participation and through their efforts a great variety of crops was developed at the beginning of the XX century. And many of them are still grown.

Key words: genetics, cytology, scientific foundations of selection, biographical data.

Информация об авторе

Полумордвинова Ирина Викторовна — к. б. н., автор статей о Н.И. Вавилове и С.И. Жегалове. Тел. (499) 196-82-92.